

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье предпринята попытка рассмотреть типологические характеристики основных исторических городов Юга России. Это важно с точки зрения развития культурно-познавательного туризма и прокладки новых туристических маршрутов.

Ключевые слова: исторический город (поселение), Юг России, типология.

Изучение исторических городов не может считаться достаточно разработанной областью культурологического знания. Их уникальность и разнообразие убедительно свидетельствуют о том, что не может быть и речи о некоем суммативном подходе к их изучению. Основой для рассмотрения многообразия типов исторических городов, возникновение которых относится к разным периодам развития нашего государства, служат в первую очередь труды классиков культурологии Г. Риккерта, Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, П. Сорокина, О. Шпенглера и др. В их работах и нормативной литературе типология определяется как научный метод познания, в основе которого лежит «расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа». И далее: «Будучи одной из наиболее универсальных процедур научного мышления, типология опирается на выявление сходства и различия изучаемых объектов, на поиск надежных способов их идентификации» [4, с. 563–564].

Профессор П. С. Гуревич, рассуждая по этому поводу, отмечал, что можно указать такие совокупности предметов, феноменов, процессов культуры («артефактов»), которые образуют причинно-обусловленные, взаимосвязанные культурные единства, или системы. Простое перечисление разнородных «артефактов» без единого базового основания не позволяет разделить их по «классам», т. е. классифицировать. А вот, скажем, фраза в «эпоху барокко были написаны такие-то и такие-то произведения» уже несет в себе признак (основание) классификации по стилю барокко, и к этим произведениям мы никогда не причислим,

^{*} НАУМЕНКО Владимир Емельянович, кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем исследования культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетии, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: naumenko@rambler.ru.

^{*} ТРОФИМЕНКО Александр Александрович, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (филиал г. Краснодар), г. Краснодар, Россия. Электронная почта: vunc-vvs-kvvaul@mil.ru.

например, произведения современного модерна или постмодерна [13, с. 201].

Ни об одной типологии нельзя сказать, что она единственно верная. Дело в том, что возможны различные подходы к систематизации культуры и культурных феноменов. «Культурные типы, – писал Д. Фейблман, – являются абстрактными и идеальными, и то, что они никогда полностью не совпадают с тем, что есть в действительности, вовсе не противоречит тому, что они существуют и находят свое применение как эталоны до тех пор, пока могут быть использованы, Мы никогда не обнаруживаем отдельно атомы и их движение или лес и деревья, однако полезно и правильно проводить между ними различия» [38, с. 223]. Однако у типологии всегда есть базовое основание. Иначе говоря, у признаков должен быть обнаружен единый фундамент. Таких оснований может быть много, например, связь с религией (культуры религиозные и светские); региональная принадлежность культуры (культуры Востока и Запада, средиземноморская, латиноамериканская и пр.); место в культуре традиции («теплые», традиционные культуры и «холодные», модернистские); связь с социальной структурой (культуры в различных обществах) и пр. И даже наличие базовых оснований для типологии не дает основания считать их идеальными. «Конечно, – отмечает Дж. Фейблман, – не следует думать, что реальные культуры целиком и полностью соответствуют названным культурным типам. Эти типы... являются идеальными, а реальные культуры только приблизительно соответствуют им. Кроме того, реальные культуры являются фиксированными образованиями, они охватывают одновременно более одного типа культуры, ломают границы идеальных типов и, как правило, представляют собой некий переходный тип. Поэтому предложенные нами категории могут дать лишь приблизительное представление. Несмотря на очевидную ограниченность, противостоящую попыткам совместить идеальные культурные модели с реальными условиями, категории культурных типов обоснованы и обладают аналитической действенностью. Поэтому мы попытаемся найти самые конкретные и наглядные примеры» [38, с. 204].

Такое утверждение дает методологическое основание для типологии городов вообще и исторических в частности.

В научных подходах применяются многообразные основания для классификации и типологии городов, которые в общих чертах применимы и для выявления характерных особенностей исторических городов и поселений.

Одним из первых, кто использовал типологию как метод исторической науки, был М. Вебер, который в своей работе «Город» на примере истории города определил идеальные типы, т. е. типы, построенные вокруг некоторых абстрактных характеристик, не

соответствующих никаким конкретным городам, но фиксирующих их важные, принципиальные черты [31]. Такой способ позволяет выделять линию исторического развития, не отвлекаясь на неизбежные индивидуальные особенности отдельных городов. Будучи социологом, М. Вебер в основу своей типологии положил, прежде всего, социально-экономические характеристики.

Определение типологии исторических городов – важная составная часть научного знания об объекте исследования, позволяющая выявить не только их современную специализацию, но и основные направления их дальнейшего развития.

В научной литературе, относящейся к этой проблеме, не редко можно встретить смешение понятий «классификация» и «типология». Зачастую они употребляются как синонимы. Вместе с тем нормативная литература дает четкое разведение этих понятий. Так, в понятийно-терминологическом словаре Э. Б. Алаева этим понятиям даются такие определения:

– классификация – группировка изучаемых объектов по совокупности (классам), различающихся между собой преимущественно количественными признаками, а наблюдаемое при этом качественное различие между соседними классами и отражает, как правило, динамику развития объектов или их иерархический порядок;

– типология – группировка изучаемых объектов по совокупности (типам) устойчиво различающихся между собой по качественным признакам [1, с. 350].

Поэтому, осуществляя классификацию, мы распределяем исторические города по какому-либо одному признаку, экономико-географическому положению, времени возникновения и т. п. По сути, классификация является преддверием типологии. В отношении исторических городов Юга России применима общеупотребимая методика для изучения городов по признакам их специализации, выполнения ими основных функций. В соответствии с этим можно выделить города:

- индустриальные центры;
- транспортные центры (порты, крупные железнодорожные узлы);
- научные города;
- курортные города;
- административные центры;
- города, связанные с обслуживанием сельскохозяйственного производства, и т. п.

В нашем случае культурологическое осмысление типологии исторических городов Юга России напрямую связано с изучением условия их основания. Изучение обстоятельств, положивших начало возникновению этих поселений, дает возможность осмыслить их дальнейшее развитие и функционирование как специфического

культурного пространства, с которым «связаны основные достижения и блага цивилизации» [8, с. 52].

Юг России охватывает 13 субъектов Российской Федерации. В него входят: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Волгоградская, Астраханская области, которые, в свою очередь, включены в Южный и Северо-Кавказский федеральные округа. Согласно принятой классификации, все исторические города России подразделяются на четыре категории по ценности их архитектурно-градостроительного наследия.

Категория I – исторические города международного (мирового) значения, наследие которых имеет признанный международным сообществом уникальный характер и нуждается в принятии особых мер и процедур по сохранению.

Категория II – исторические города общегосударственного (общенационального) значения, наследие которых имеет выдающийся характер, для его сохранения требуется разработка комплексных программ и специальных проектов по реконструкции и возрождению исторической среды.

Категория III – исторические города регионального значения, наследие которых обосновывает их выделение из общего списка и нуждается в сохранении и использовании его как градостроительного наследия.

Категория IV – прочие исторические города.

На Юге России, по данным Федеральной целевой программы «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)»¹, зафиксировано 42 исторических города и поселка городского типа, в том числе 37 исторических городов. Статус этих городов и в административном отношении, и в количественном составе населения разный. Нормативная литература дает нам представление о градации городов согласно численности их населения. Современные города делятся на малые (до 50 тыс. чел.), средние (50–100 тыс. чел.), большие (100–250 тыс. чел.), крупные (250–500 тыс. чел.), крупнейшие (500 тыс. – млн. чел.) и города-миллионеры (св. млн. чел.) [5, с. 381].

Но в нормативном документе, каковым является вышеназванная Федеральная целевая программа, градация исторических городов по численности их населения дана по трем категориям: малые и средние, крупные, столичные. Для большей наглядности мы разделили

¹ В Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» сведения по Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республике отсутствуют.

исторические города согласно численности населения по субъектам Юга России. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Исторические города в субъектах Юга России

Субъект федерации	Исторические города					
	Миллионеры	Крупнейшие	Крупные	Большие	Средние	Малые
1	2	3	4	5	6	7
Республика Адыгея	-	-	1	-	-	-
Республика Дагестан	-	-	1	1	1	-
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	1	1	3	-
Республика Калмыкия	-	-	-	1	-	-
Республика Северная Осетия – Алания	-	-	1	-	1	-
Чеченская Республика	-	-	1	-	-	-
Краснодарский край	-	1	2	2	-	-
Ставропольский край	-	-	1	4	-	-
Астраханская область	-	-	1	-	-	-
Волгоградская область	1	-	-	1	-	-
Ростовская область	1	-	3	1	-	-
Итого:	2	1	12	11	4	-

Из анализа таблицы видно, что, во-первых, основная масса исторических городов Юга России принадлежит к крупным, большим и средним. Применительно к данной региональной ситуации эти города в основном относятся к республиканским, областным и районным административным центрам или городам республиканского, краевого или областного подчинения. Во-вторых, наибольшее сосредоточение исторических городов отмечается в Волгоградской области и Ставропольском крае (по 6), Ростовской области, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае (по 5), Северной Осетии – Алании и Дагестане (по 3). В семи субъектах Юга России сосредоточено 33 исторических города, что составляет 90% исторических городов региона. В значительной мере это объясняется разной степенью интенсивности исторического процесса, имевшего место в регионе.

Итак, очевидно, что основное внимание в исследовательской практике уделено классификации и типологии исторических городов по критериям численности населения и выполняемых функций. Такие подходы имеют важное значение в определении места и роли исторических поселений в обеспечении устойчивого социально-

экономического и культурного развития. Тем не менее, еще недостаточно изучены типологические особенности исторических поселений с точки зрения их культурного наследия, являющегося важным критерием определения их самобытности. Это наиболее деликатная и носящая комплексный характер проблема, включающая и историю возникновения поселений, и степень сохранности культурного наследия, и его историко-культурную преемственность, и вовлеченность культурного наследия в жизнь города и региона в целом и т. п. Эта проблема стала активно разрабатываться российскими исследователями. В их трудах ставится задача «разработать типологию изучаемых городов по объему и ценности их культурного наследия [29], в других исследованиях проблемы типологии города решают с точки зрения исторической преемственности [35]. Появились работы, в которых в качестве критерия типологии исторических поселений предлагается рассматривать особенности вовлечения культурного наследия в жизнедеятельность малых городов [3, с. 24]. Автор указанного подхода полагает, что «накоплен значительный опыт в сфере изучения социально-экономических проблем городских поселений. Однако культурное наследие малых городов, которое и является значимой характеристикой самобытности, индивидуальности и своеобразия города, еще не рассматривалось в качестве критерия типологии и классификации малых городов» [3, с. 5]. К этому следует добавить, что такие критерии не применялись к разработке типологии и иных исторических городов, а не только малых.

В этой связи актуальным представляется выявление современных взглядов на понятие «культурно-историческое наследие». Анализ содержания этого понятия базируется на основополагающих международных документах: «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (от 16.11.1972) и «Конвенция об охране архитектурного наследия Европы» (от 3.10.1985), а также принятой в 1987 г. в Вашингтоне «Международной хартии по охране исторических городов (ИКОМОС)» и др. Важными в определении понятия представляются и нормативные акты, принятые в нашей стране, в частности, такие как Закон РФ «Основы Законодательства Российской Федерации о культуре», в котором под «культурным наследием» понимаются «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [16].

Принятый в 2002 г. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», ставший базовым основанием деятельности органов государственной власти в центре и на местах, по сути, уточняет выше приведенное определение. Ст. 3 ФЗ гласит: «К объектам культурного

наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии и антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [15, ст. 3]. В том же законе, применительно к историческим поселениям, к объектам культурного наследия отнесены: «Памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию» [15, ст. 3].

Не трудно заметить, что в данных определениях перечисляются объекты культурного наследия. Этот перечень можно дополнять сколько угодно новыми объектами, не указанными в перечне. Сложившаяся нормативно-правовая база, как полагает ряд исследователей, предполагает во многих случаях возможность неоднозначной трактовки тех или иных положений приведенных законов и не обеспечивает действенного контроля за сохранением и использованием культурного наследия [14, с. 236]. В то же время от четкости в терминологии зависит определенность в сфере памятникоохранной деятельности. Это важно для выработки методических и методологических основ охраны и использования культурного и природного наследия России [25, с. 41].

Вклад современных ученых в развитие этого понятия связан с разработкой новых подходов. Во-первых, ряд исследователей предлагает включать в понятие «культурное наследие» не только историко-культурные памятники, но и природные объекты. Такой подход активно развивается Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. Так, Ю. А. Веденин под культурным наследием понимает «уникальные и эталонные природные и культурно-исторические комплексы, отдельные объекты материальной и духовной культуры, объекты живой и неживой природы, произведения искусства, традиционные формы хозяйства, социокультурной жизни и природопользования, применяемые технологии» [10, с. 3]. Такой подход дает возможность рассматривать и сохранять

объекты наследия в контексте конкретных исторических, этнических и географических факторов.

Во-вторых, в соответствии с Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» исторические поселения стали муниципальными образованиями, что качественно меняет место и роль каждого жителя в делах муниципального образования, поднимает на новый уровень роль человеческого фактора в решении всех вопросов, в том числе и в охране культурного наследия. В таком понимании человек является основным качественным условием культурно-генерирующего фактора культурного наследия городского поселения. Такой подход дает возможность определять культурное наследие не только как совокупность материальных (движимые и недвижимые объекты – здания, улицы, сооружения, предметы искусства и т. д.), нематериальных (обычаи, верования, празднества, традиции и т. д.), природных и социоприродных объектов, но и «как способ бытия человека, как систему порождения, хранения и трансляции внегенетически наследуемого социокультурного опыта, способствующего формированию и развитию личности и общества в целом» [3, с. 12].

Подход, предлагаемый М. Е. Кулешовой, – информационный. Определяя наследие через информацию, исследователь подразумевает не только и не столько перечень неких знаний и сведений, по ее мнению, это «означает совокупную память человечества и природы обо всех явлениях материальной и духовной жизни, фиксирующую себя в многочисленных проявлениях жизни – от кодировки генов и основных жизнеобеспечивающих процессов до выработки философских, нравственных, этических категорий и их физического воплощения в шедеврах искусства, красотах пейзажа, формах ландшафта, формах быта и пр.» [25, с. 41]. Иными словами, автор рассматривает наследие как информационный потенциал, который запечатлен в явлениях, событиях, материальных объектах и необходим человечеству для своего развития, а также сохраняется для передачи будущим поколениям.

Анализ современных научных подходов к трактовке понятия «культурно-историческое наследие» выявил многообразие акцентов, отвечающих интересам исследовательских задач и очерчивающих широкий круг проблем, связанных с этим понятием. Так, Э. А. Баллер включает в это понятие «совокупность результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох» [2, с. 56]. В «Конвенции об охране культурного и природного наследия» под наследием понимается «система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для

сохранения культурного и природного генофонда Земли и ее дальнейшего развития» [20, с. 35].

Многообразие подходов к определению понятия «культурно-историческое наследие» было сведено Ю. А. Ведениным в следующую классификацию:

– памятники природы, которые включают геологические и геоморфологические (обнажения пород, отдельные валуны, формы рельефа и др.), гидрологические и гидрогеологические (реки, озера, ключи, родники, минеральные источники и др.), ботанические (лесные массивы, отдельные деревья и т. п.), ландшафтные (лесные и болотные урочища), т. е. природные памятники, состоящие из физических и биологических образований, имеющих универсальную ценность с точки зрения эстетики и науки;

– памятники культурно-природного наследия – искусственные формы рельефа (курганы, валы, насыпи, выемки, ямы), искусственные водоемы и насаждения, акклиматизированные виды животных и их местообитание, почвы;

– исторические населенные пункты, которые сохранили свою историческую среду, связь с природным окружением, планировочную структуру;

– особые элементы наследия региона, обладающие физической, исторической, эстетической и символической ценностями, содержащие в себе огромный объем исторической и культурной информации;

– архитектурные памятники – культовые, памятники военной и гражданской архитектуры, малые формы;

– исторические памятники и памятные места, к которым относятся места или сооружения, связанные с историческими событиями, жизнью известных исторических деятелей, а также представителей литературы и искусства [9].

Столь объемный содержательный потенциал понятия «культурное наследие» подтверждает выводы некоторых авторов о том, что «культурно-историческое наследие включает в себя элементы, рассматриваемые в различных сферах социогуманитарного знания. Наследие как феномен – это информационный и интеллектуальный потенциал нации. Оно может выступать как фактор социализации личности, как одно из наиболее существенных условий устойчивости культурного ландшафта и окружающей среды обитания или как ресурс, определяющий социально-экономическое и социокультурное развитие отдельного региона и России в целом» [33].

Такой подход к определению места и роли исторического и культурного наследия утвердился на V Всероссийской научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия», организованной Бородинским государственным

военно-историческим музеем-заповедником совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. В материалах конференции, в частности, было отмечено: «Наследие – это один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое и социокультурное развитие России. Оно составляет основу ее духовного и интеллектуального потенциала и характеризует высокий авторитет России как великой мировой державы. На базе эффективного использования историко-культурного наследия происходит развитие личности и формирование новых поколений, определяющих будущее России» [30, с. 11].

Оценка этого достояния строится на основе анализа историко-культурного развития городов, а не только на основе градообразующих признаков и экономико-географического положения.

Наиболее интенсивный период возникновения исторических городов Юга России приходится на XVIII–XIX вв., когда русские поселенцы наиболее интенсивно осваивали территории. Конец XVIII – первые десятилетия XIX в. ознаменовались завершением долгого и противоречивого процесса добровольного, в основном, вхождения народов Северного Кавказа в состав России. С того времени их история развивается в неразрывной связи с жизнью русского и других народов страны [18, с. 5].

Предкавказские города были немногочисленны, большинство из них возникло еще в XVII в. как города-крепости. Среди них были Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Александровск, Екатеринодар и др. История основания и развития этих поселений свидетельствует о специфических изменениях в социально-экономической истории региона.

Условно время формирования историко-культурного наследия исторических городов Юга России можно подразделить на ряд этапов, связанных со временем основания этих городов. В ходе своего исторического развития, считает А. А. Кудрявцев, Северный Кавказ оказался в сфере политического, экономического и культурного влияния закавказско-ближневосточных и северочерноморских очагов мировых цивилизаций, что существенным образом отразилось на формировании культурных, в том числе и градостроительных, традиций у обитателей этого региона. Исследователь выделяет три важнейшие культурно-исторические территории Северного Кавказа, имевшие значительную специфику в своем развитии: Северо-Восточный Кавказ, Центральный Кавказ, Северо-Западный Кавказ. На каждой из этих территорий под влиянием разнообразных причин военно-политического и социально-экономического характера (а также под сильнейшим воздействием культурных импульсов греческих городов-колоний античного Причерноморья, позднее Византии, на Северо-Западном Кавказе и парфяно-сасанидского, позднее мусульманского, мира Ближнего и Среднего Востока – на Северо-Восточном Кавказе) стали складываться

протогородские и городские центры, пути возникновения и развития которых имели свои закономерности и специфику.

Древнейшим городом нашей страны является Дербент. Это город с пятитысячелетней историей. Он начал формироваться как мощная крепость-убежище, которая возникла на вершине дербентского холма, у знаменитых «ворот» Кавказа, на рубеже VIII–VII вв. до н. э. на базе поселений бронзового века и эпохи раннего железа [23, с. 259]. Памятники Дербента достойны быть представленными в списке Всемирного культурного наследия. Как город-крепость Дербент был основан по приказу иранского правителя Иездигерда II, представителя династии Сасанидов (правил в 435–457 гг.). В истории соседних народов город известен под разными названиями: арабы называли его Баб-ал-Абваб – ворота ворот, монголо-татары и турки – Темир-Капи – железные ворота, грузины – Дэгвис-Кари – морские ворота, русские – Дербень или Железные ворота. Во время правления сасанидского царя Хосрова I Ануширвана в 567 г. начали возводить вместо глинобитных крепостных стен каменные, которые сохранились до наших дней и охватывают город с севера и юга. Обе стены располагались параллельно друг другу, примыкая на западе к цитадели, а на востоке на значительное расстояние уходили в море, образуя гавань. Позже была возведена Горная стена (Даг-бары), имевшая длину свыше 40 км и представлявшая собой сложную систему оборонительных сооружений, предназначенных для возможной обороны города от захвата со стороны горных долин и перевалов. В VI в. была сооружена поперечная стена, которая отделила наиболее обжитую часть, примыкающую к цитадели, от незаселенной приморской.

В VI–VII вв. Дербент уже представлял собой не только важный опорный пункт в борьбе с кочевниками, но и значительный культурный центр Кавказа. В 630-х гг. Дербент был захвачен хазарами, а в 652 г. к нему подошли арабы. Включение города в состав Арабского халифата повлекло за собой значительное городское строительство, в том числе мечетей, так как большая часть его жителей обратилась в ислам. К VIII в. Дербент превращается в крупный военно-политический центр Кавказа, главный морской порт на Каспийском море. В нем располагалась и резиденция наместника халифа. В X в., в связи с распадом Арабского халифата, Дербент становится центром независимого эмирата. В 1071 г. он был захвачен турками-сельджуками, а в XIII в. – монголами. В XVI–XVIII вв. входил в состав Персии. В 1722 г. был присоединен к России в результате Персидского похода Петра I, а в 1735 г. по Гянджинскому договору вновь отошел к Ирану. С 1743 г. являлся центром Дербентского ханства, резиденцией Надир-шаха. В 1813 г. по Гюлистанскому мирному договору был окончательно присоединен к России.

С 1824 г. началась активная застройка города по генеральному плану, при этом была снесена поперечная стена, разбиты регулярные

кварталы с прямыми, широкими улицами. С 1840 г. Дербент стал уездным, а с 1846 г. – губернским городом. Его население занималось возделыванием и переработкой марены и мака, а также садоводством, виноградарством и рыбным промыслом. В 1898 г. через Дербент прошла железная дорога порт Петровск – Баку.

В настоящее время на территории цитадели выявлены остатки дворцовых комплексов различных периодов: албанского (античного), сасанидского, арабского и домонгольского времени, а также многие постройки более поздних времен. В верхней (старой) части Дербент, примыкающий к цитадели, – типичный мусульманский средневековый город с сетью узких кривых улиц, на которые выходят глухие фасады 1–2-этажных домов, с мечетями, водоразборными фонтанами, банями. В этой части города находятся: комплекс Джума-мечети, состоящий из собственно мечети (VIII в.), медресе (XV–XIX вв.) и трех арочных ворот (XVII–XIX вв.); Кырляр-мечеть (XVII в.), прямоугольная в плане, над центральной частью стрельчатый купол; Минарет-мечеть (XVIII в.; частично перестроена в XIX в.) с единственным в Дербенте полуразрушенным минаретом (XIV в.) и др. Близ кладбища Кырляр (часть северного кладбища города) расположен бывший ханский мавзолей (1787–1788 гг.), восьмиугольное в плане здание со стрельчатым куполом; бани, почти на 2/3 заглубленные в землю, перекрытые сводами и куполами (XVII–XVIII вв.). В нижней (новой) части, регулярно распланированной, сохранились здания XIX – начала XX в.: железнодорожный вокзал (конец XIX в.), пассаж (крытый рынок), армянский храм (XIX в.; ныне – Музей изобразительного искусства).

С Дербентом связаны имена писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (разжалованный в рядовые, он служил здесь в 1830–1834 гг.), хирурга Н. П. Пирогова, посетившего Дербент в 1847 г., французского писателя А. Дюма-отца (его впечатления о городе отражены в путевых заметках «Кавказ от Прометея до Шамиля»).

В Дербенте работает Историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, при котором действуют музеи археологии, культуры и быта древнего Дербента, ковра и народно-прикладного искусства Дагестана, этнографии и быта народов Прикаспия, боевой славы.

Другой уникальный исторический город – Анапа. Этот город с богатейшим историческим прошлым расположен на стыке трех природно-географических зон: Кавказских гор, степей и Черного моря. Здесь всегда присутствовало местное кавказское население, из степей в предгорья проникали группы кочевников, оседая среди горцев, а подчас и смешиваясь с ними, а морские пути связывали район Анапы с экономически и культурно развитыми древними и средневековыми странами Средиземноморья. Современная Анапа построена на месте древнегреческого поселения, которое возникло во второй половине VI в.

до н. э. Название этого раннего греческого полиса исследователям не известно. В Горгиппию поселение было переименовано не ранее IV в. до н. э. Археологический слой Анапы хранит в себе многочисленные археологические остатки античной цивилизации: развалины некогда величественных храмов, руины жилых домов, могилы, курганы. Материальные свидетельства той далекой эпохи извлекаются из земли учеными-археологами, которые вот уже почти полтора столетия ведут раскопки памятников античной Горгиппии. На месте проведения стационарных раскопок решением Совета Министров РСФСР в 1977 г. был создан археологический заповедник «Горгиппия» площадью около 2 гектаров. Неотъемлемой частью заповедника стал Анапский музей, получивший статус археологического.

Раскопки на территории археологического заповедника «Горгиппия» ведутся вот уже почти 40 лет. За это время открыто несколько кварталов древнего города, исследовано более десятка жилых домов. Раскопанные и отреставрированные руины древних жилых домов, лавок, мастерских, мостовые горгиппийских улиц, винодельни, остатки оборонительных стен стали экспозицией под открытым небом. Это лишь небольшая часть Горгиппии. Площадь древнего города составляет не менее 40 гектаров, почти равным ей был и некрополь – древнее кладбище. Все это скрыто кварталами современной Анапы [32]. На сегодня в Анапе на государственном системном учете находится 298 памятников истории и культуры, в том числе археологии – 216.

Значительная часть исторических городов Юга России уже в более позднее время возникли как крепости (укрепленные форпосты) на пересечении сухопутных или торговых путей или на стратегически важных позициях.

Об этом свидетельствует, к примеру, история города Кизляра, основанного в 1735 г. как крепость и важнейший форпост на южных российских рубежах. Ему отводили роль не только крепости и административного центра, но и не менее важную роль в развитии торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления российского влияния в данном регионе [12, с. 289]. Вплоть до XIX в. в городе концентрировалось до 90% всей торговли России со странами Востока и практически полностью была сосредоточена торговля с народами Северо-Восточного Кавказа [17, с. 86]. Складывался и многонациональный состав населения города. С самого основания Кизляра и формирования городского поселения сложилось восемь разноэтничных слобод: армянская, грузинская, терских казаков, местных народов, принявших христианство, окоцкая слобода, где проживали чеченцы, казанская деревня, населенная татарами, Тезик-аул, населенный кумыками и ногайцами [8, с. 86]. Во многом сходные процессы имели место и в других городах Юга России, выросших из

российских крепостей-форпостов: Моздоке, Георгиевске, Ставрополе, Екатеринодаре и др. (см.: [18] [26] [37]).

В XIX в. положение городов меняется. Одни из них (Кизляр, Моздок, Александровск, Георгиевск) приходили в упадок, другие обращались в села и станицы (Екатериноград, Александровск), третьи, напротив, развивались, становились довольно крупными по тому времени административными, экономическими и политическими центрами [18, с. 85].

Из 34 исторических городов Юга России 19 возникли или как военные укрепления, или при военных укреплениях, существовавших до возникновения городов как таковых. Это составляет свыше пятидесяти процентов от общего числа городов, относящихся на сегодня к историческим городам Юга. Исследователь истории градостроительства А. Г. Лазарев отмечал, что «характер градостроительства в пределах современного юга России изначально носил военно-оборонительную направленность» [27, с. 55]. По свидетельству историка В. В. Бондаря, в XVIII в. в Российской империи многие приграничные города основывались как крепости, но имели (или приобретали позже) статус города и выполняли городские функции. В отличие от обычных крепостей, население которых изначально составлял исключительно гарнизон (например, Ставрополь, Кизляр), города-крепости, занимавшие в иерархии укрепленных поселений верхнюю ступень, выполняли помимо стратегической функции еще и функции административного и экономического центра. Применительно к региону, являющемуся объектом нашего исследования, выяснение обстоятельств возникновения и назначения конкретного исторического города дает нам возможность проследить не только культурно-хозяйственную составляющую каждого из них, но и понять культурно-пространственную среду самих исторических городов.

С этой точки зрения по характеру возникновения мы определяем четыре группы исторических городов Юга России.

Во-первых, город-крепость – это поселение, находящееся внутри самого укрепления. Таких городов не много: Ставрополь, Кизляр, Дербент. Наиболее ярко такой тип городов представляет Дербент. По сведениям А. А. Кудрявцева [23, с. 172], Дербент (точнее Дарбанд, что в переводе с персидского языка дословно означает «узел, связь, запор ворот») долгое время играл большую роль в судьбах народов Кавказа, Переднего и Среднего Востока, Юго-Восточной Европы. На протяжении многих веков он служил важнейшей пограничной крепостью известных государств Переднего и Среднего Востока, главным их оплотом в борьбе с кочевниками на северной границе, разделявшей здесь два мира – земледельцев и скотоводов.

Среди подобных оборонительных сооружений, возведенных в различных районах древнего цивилизованного мира и призванных охранять границы развитых земледельческих государств от набегов кочевников, дербентские выделяются своей мощью и исключительной продуманностью планировки, максимально приспособленной к рельефу местности.

Однако в отличие от многих фортификационных сооружений такого рода Дербент лежал не только на важном военно-стратегическом пути, но и на известной торговой трассе мира (Великий шелковый путь), что во многом определило ход его исторического развития. Он не остался, подобно многим крепостям, только военным опорным пунктом, а превратился в средневековую эпоху в крупнейший феодальный город Кавказа.

Во-вторых, город, в котором укрепление не было генетически и пространственно единым целым с самим поселением. К такому типу исторических городов следует отнести Екатеринодар, Моздок, Ростов-на-Дону и др. Исследователи истории Краснодара (Екатеринодара) В. В. Бондарь [6, с. 49] и Б. Е. Фролов [39, с. 161] полагают, что Екатеринодар был основан именно как центр Черноморской кордонной линии и всей войсковой земли, изначально сосредоточивал в себе военно-административные и со временем приобрел экономические функции (являясь пунктом меновой торговли с горцами, местом проведения ярмарок и т. п.). Исследователи считают неверным признавать основание и существование города Екатеринодара как крепости по ряду оснований: во-первых, в документах войскового правительства вопрос о необходимости строительства крепости был поставлен лишь в марте 1794 г. (год основания г. Екатеринодара – 1793), хотя до этого уже строились курени (т. е. казармы), «покои» и т. п.; во-вторых, укрепление, появившееся лишь к 1797 г. (в незаконченном виде), вряд ли можно было назвать крепостью ввиду отсутствия ряда обязательных фортификационных элементов. В иерархии укреплений Екатеринодарская крепость более всего соответствовала фельдшанцам – земляным укреплениям замкнутого типа. Статус крепости ей придавали размеры и местоположение в войсковой столице. Особенностью основания Моздока было то, что валы и рвы были устроены вокруг уже существовавшего поселения. Ростов-на-Дону образовался в процессе постепенного территориального «срастания» поселений при Темирницкой таможне и крепости святого Дмитрия Ростовского.

В-третьих, города-порты, торговые города. К такому типу городов относится Таганрог, основанный Петром I в 1698 г. как крепость и база Азовского военно-морского флота. В феврале 1712 г. был разрушен по условиям Прутского мирного договора 1711 г. Окончательно занят русскими войсками в 1769 г. и вошел в состав России по Кючук-

Кайнарджийскому миру в 1774 г. С 80-х гг. XVIII в. развивался как внешнеторговый порт и крупный промышленный центр. Как морской порт на берегу искусственной бухты в 1848 г. возник г. Ейск. К этой категории городов примыкает Дубовка. Основанный в 1734 г. как город волжских казаков, поселенных для охраны Нижнего Поволжья, он стал одним из важных центров восстания под предводительством Е. И. Пугачева, за участие в котором казачьи семьи были в 1777 г. высланы на Кавказ. Затем Дубовка была заселена переселенцами-крестьянами. В 1-й половине XVIII в. Дубовка превращается в крупный складской пункт, а крупнейшими торговыми пунктами связи с Ближним и Средним Востоком становятся Кизляр и Дербент.

В-четвертых, города-курорты. В эту группу исторических городов Юга России входят Анапа, Кисловодск, Пятигорск, Сочи, Нальчик.

Систематизация исторических городов Юга России дает основание утверждать, что абсолютное их большинство связано с процессами освоения этой территории на протяжении последних трех веков. Как населенные пункты и города, основанные в XVIII–XIX вв., они получили регулярную (т. е. установленного образца) планировку. Исследователь истории Екатеринодара В. В. Бондарь отмечает, что в то время планы городов вычерчивались как законченный геометрический рисунок (с учетом природных условий: рельефа, водоемов, растительности) и утверждались к исполнению, после чего местность в соответствии с планом разбивалась на кварталы. По образовавшейся сетке кварталов велась в дальнейшем застройка города. В Екатеринодаре эта процедура была соблюдена полностью.

Из всех применявшихся в России в XVIII – начале XIX в. композиционных приемов регулярной планировки (лучевая, радиально-концентрическая, диагональная, прямоугольная композиции) при планировке Екатеринодара, как большинства городских поселений, имевших военный характер, был выбран самый простой: ортогональная разновидность прямоугольного плана. Весь композиционный прием сводился к однообразному схематическому расчерчиванию местности по идентичным клеткам с тем, чтобы улицы были параллельны и перпендикулярны, а кварталы имели форму квадрата и были одинаковы по размерам. Такая планировка исключала существование единого центра (ядра), но подразумевала, как правило, главную осевую улицу. Подобную планировку имели города Кизляр, Моздок, Майкоп и др. Отметим, что ортогональная планировка этих городов сохранилась и во многом определяет внешний облик и характер застройки исторической части современных городов. В частности, в Краснодаре главной осью является улица Красная [6, с. 52].

Часть ныне существующих городов столкнулась с явлением, известным в науке как «трансурбанизация». Такое явление на Юге России

было не редкостью. Так, из-за постоянных подтоплений во время разливов Дона в начале XIX в. Донская Войсковая канцелярия и резиденция войскового атамана были переведены из Черкаска во вновь основанный Новочеркасск. При этом бывшая столица Войска Донского потеряла статус города и стала называться станицей Старочеркасской [28]. Приведем другой пример. Волгоград был основан в XVI в. на острове, расположенном против впадения р. Царицы в Волгу, для обороны волжского пути на стыке («переволоке») Волги и Дона. В начале XVII в. Царицын сгорел; вновь построен в 1615 г. на правом берегу Волги. Менял свое расположение и город Камышин, который был основан в 1667 г. на левом берегу реки Камышинка под названием деревня Камышинка. В 1710 г. жители были переведены на правый берег, где находилась крепость. Это селение было названо городом Дмитриевским, а в 1780 г. город переименован в Камышин и назначен уездным городом.

В последние годы плодотворным представляется географический подход в изучении исторических городов. К настоящему времени в российской географической науке обозначились три основных подхода к определению и пониманию культурного ландшафта. По свидетельству М. Е. Кулешой, их можно условно представить таким образом:

1. *Классический ландшафтный географический подход.* Такой подход разрабатывается школами Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Представители этой школы рассматривают ландшафт как частный случай антропогенного ландшафта.

2. *Этнолого-географический подход* (В. Н. Калуцков), заключающийся в том, что культурный ландшафт рассматривается как сумма взаимодействующих подсистем, а именно: природного ландшафта, систем расселения, хозяйства, сообщества, языка (в особенности, топонимики), духовной культуры (главным образом, фольклора). Базовыми понятиями служат природный ландшафт и этно-сообщество. Культурный ландшафт, таким образом, рассматривается как освоенный этносом-сообществом природный ландшафт.

3. *Информационно-аксиологический подход.* Развивается Институтом наследия. Суть этого подхода состоит в исследовании культурного ландшафта как результата сотворчества человека и природы. Этот подход состоит в признании того факта, что культурный ландшафт представляет собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности. Понятие такому подходу дано в работах Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой, и оно сводится к следующему: «Культурный ландшафт – природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных устойчивых

сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [11, с. 98]. Базовым для данной концепции является понятие о природно-культурном территориальном комплексе – исторически равновесной системе, в которой природные и культурные компоненты составляют единое целое, а не только являются фоном или фактором воздействия одного по отношению к другому. В формировании культурных ландшафтов отражается как позитивная сторона сотрудничества человека и природы, так и результаты конфликтных ситуаций. Особенно важны события, которые можно оценить как важные вехи в истории и культуре народов, существенно повлиявшие на их развитие. В качестве культурно-ландшафтных феноменов, в частности, исследуются выдающиеся по своим художественным характеристикам и исторической значимости культовые сооружения, поля сражений, археологические комплексы, исторические сельские и городские ландшафты. Понятие «культурный ландшафт» не ограничивается его материальным наполнением. Определяющим его формирование фактором и ведущим компонентом является система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей, от которых непосредственно зависит направленность созидательных ландшафтно-образующих процессов [11, с. 9].

Для нашего исследования и решения поставленных задач более подходит концепция, предложенная Институтом наследия, которая базируется на достижениях многих гуманитарных наук, в частности, истории, этнографии, культурологии, географии и др. Это дает нам возможность использовать методы этих отраслей знания: историко-сравнительный, сравнительно-типологический и т. п. Такой подход к изучению исторических городов создает условия для определения их принадлежности к типам культур, которые накладывают свой отпечаток на освоение ландшафтов. Привязывая исторические города к особенностям того или иного ландшафта, связанного с определенными типами исторической деятельности или основными историческими функциями, их можно подразделить на рекреационный, промысловый, исторический, индустриальный, заповедный, мемориальный и т. д. Территориальная дифференциация культурного пространства может осуществляться по разным признакам: этническому, конфессиональному, историческому или историко-политическому, лингвистическому, культурно-хозяйственному (по хозяйственной культуре и производственным технологиям), а также по различным отраслям художественной культуры, народного искусства и др. [36, с. 37–44].

Культурно-ландшафтный подход к изучению исторических городов Юга России позволяет представить культурное и природное многообразие региона, выявить его базовые компоненты, к которым относится:

– территориальная составляющая, иными словами, природный фактор. По характеру рельефа Юг России можно достаточно четко разделить на две зоны: северную, равнинную, и южную, горную. При этом равнинное пространство с вкраплениями небольших возвышенностей явно преобладает: лишь на крайнем юге с северо-запада на юго-восток простирается обширная горная система, охватывающая Кавказский хребет и его отроги. Доминирование равнинного рельефа на территории Юга России является благоприятным условием для ведения механизированного сельскохозяйственного производства [34, с. 49]. Большинство населения региона проживает в городах, но значительная часть (примерно 40,2%) в сельской местности (численность постоянного населения – 21,6 млн. чел., в том числе городского – 12,4 млн. чел. и сельского – 9, 2 млн. чел.). Абсолютное большинство исторических городов региона расположено в равнинной и предгорной зонах. Это обусловлено рядом причин. Большинство этих городов было возведено в период освоения этих территорий Российским государством в качестве крепостей или иных оборонительных сооружений. Для их размещения выбирались удобные с точки зрения стратегических планов места (устья рек, речные изгибы, пункты, замыкающие выход из ущелий и т. п.). Большинство городского населения края было тесно связано с сельским хозяйством, имело огороды, сады, загородные посеы, занималось виноградарством и виноделием и т. п. Развитие товарно-денежных отношений к середине XIX в. в целом меняло ситуацию и облик городов, приспособляло их к новым условиям. Вместе с тем отметим, что традиционное занятие сельским хозяйством жителей исторических городов сохранилось до наших дней. Все они находятся в тесном окружении дачных и садово-огородных участков;

– этническое многообразие жителей исторических городов. Этот фактор влияет на структуру культурного пространства исторических городов региона. Вся история возникновения и развития южнорусских городов убедительно свидетельствует об этом. В частности города Северного Кавказа были многонациональными, особенно этим издавна отличался Кизляр, где и в середине XIX в. основное население города составляли горцы и большое число выходцев из Закавказья; русское же население составляло лишь третью часть. Таким же многонациональным был и город Моздок [18, с. 85]. Особенностью этнокультурного пространства исторических городов является также их поликонфессиональность. Юг России предстает местом встречи трех мировых религий – буддизма, христианства, ислама. Здесь нет явного доминирования одной из них. Вместе с тем в ряде исторических городов, расположенных на территории Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии, доминирует ислам, но представлены и другие конфессии. Даже в таком древнейшем мусульманском городе России, каким является Дербент, где изначально «складывались общие этно-культурные традиции, основанные

на неразрывной слитности передовых достижений Востока и местной дагестанской культуры» [22, с. 265], поликонфессиональность является отличительной чертой. В городах с доминированием христианства также представлены различные конфессии. Такой подход к рассмотрению места и роли исторических городов Юга России предопределяет характер взаимоотношений населения городов, те интеграционные и дезинтеграционные процессы, которые в известной степени дают представление о таких понятиях, как городская среда, культурное пространство и т. п.;

– традиционное административно-политическое назначение южно-российских исторических городов. На протяжении истории многие из них играли важную роль в административно-политическом устройстве региона. Астрахань и Дербент, например, были столицами самостоятельных государственных образований. Такие города, как Ставрополь, Кизляр, Моздок, Георгиевск, в разные исторические периоды выполняли, особенно по отношению к северокавказским народам и народам Закавказья, столичные функции (принятие присяги от владельцев, подписание государственных документов о присоединении к России тех или иных территорий, решение спорных вопросов и т. п.). Екатеринодар и Новочеркасск были административными центрами, соответственно, Кубанского казачьего войска и Всевеликого войска Донского. Основная масса исторических городов выполняла функции уездных городов, в последующем районных центров края. Почти все столицы республик, главные города областей и краев – это исторические города. Таким образом, исторические города Юга России сохранили свои интеграционно-управленческие функции. Это способствовало сохранению исторически сложившегося этническо-территориального принципа образования этих культурно-территориальных комплексов, концентрации и сохранению основных параметров традиционной культуры народов, населяющих регион. В рамках исторических городов проходит и сейчас осуществляется процесс активного обмена культурными ценностями между народами России. Город, как отмечают исследователи В. П. Казачинский и В. В. Бондарь, наиболее действенная, активная форма «культурной памяти» человечества. Он выражает и закрепляет, концентрирует в себе все процессы жизнедеятельности общества, выработанные им институты и нормы. Он совмещает в себе новое и старое, обновляясь постепенно. И образ прошлого, который несет в себе город, не только память, но и опора, точка отсчета его будущего существования [19, с. 5].

Л. С. Могутова по объему объектов культурного наследия выделяет следующие типы исторических городов:

1) к настоящему времени практически не сохранившие памятники истории и культуры, но древние по возрасту и богатые событиями, происходившими на этой территории;

2) сохранившие единичные памятники старины, утерянные или поглощенные новой застройкой;

3) сохранившие в полном объеме памятники истории и культуры, историческую планировку и традиционную застройку.

Такая типология в полной мере отвечает историческим городам Юга России. Но определить типологию исторических городов с точки зрения сохранности историко-культурного развития без рассмотрения истории зарождения, создания этого наследия не представляется возможным.

Города Юга России прошли ряд этапов формирования их культурно-исторического наследия. Это, во-первых, формирование их как крепостных сооружений с набором соответствующих гарнизонных построек и культовых зданий (например, дербентская цитадель и Джума-мечеть, Екатеринодарская крепость и Воскресенская церковь и т. п.). Во-вторых, формирование вокруг крепостей посадов и слобод, ставших основой для развития промышленного и сельскохозяйственного производства и торговли. В-третьих, изменение исторического облика городов в годы советской власти под влиянием научно-технической революции.

Использованная литература:

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
2. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1987.
3. Болдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья): автореф. дис. ... канд. культурологии. Чита, 2011.
4. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. Энциклопедия, 1976. Т. 25: Струнино – Тихорецк
5. Большой российский энциклопедический словарь / ред. кол. А. П. Горкин и др. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2006.
6. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар (1793–1867 гг.): историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1998.
7. Ванслов В. В. Амбивалентность художественного образа города в искусстве // Обсерватория культуры. 2007. № 6. С. 52–55.
8. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала? Дагестанское книжное изд-во, 1986.
9. Веденин Ю. А., Лютый А. А., Ельчанинов А. И. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа). М.: Ин-т Наследия, 1995.
10. Веденин Ю. А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия: сб. ст. М.: Ин-т наследия, 1995. С. 5–20.
11. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
12. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половины XIX в. // Труды Чечено-Ингушского научно-

исследовательского ин-та истории, языка и литературы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1961. Т. 4.

13. Гуревич П. С. Культурология. М.: Проект, 2004.

14. Гусев С. В., Загорулько А. В. Основные направления и методы охраны археологического наследия России в 1980-е – 1990-е гг. // Археологический фактор в планировочной организации территории: материалы семинара. М.: Ин-т Наследия, 1997. С. 236–243.

15. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148669> (дата обращения 09.02.13).

16. Закон Российской Федерации «Основы Законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-I // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 3. С. 33–89.

17. Иноземцева Е. И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2001.

18. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.

19. Казачинский В. П., Бондарь В. В. Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв. Краснодар: Экоинвест, 2001. Ч. 1: Архитектура Екатеринодара до 1917 г.: очерк.

20. Кондаков И. В. Методологические проблемы изучения культурного и природного наследия в России // Наследие и современность: информ. сб. М.: Ин-т Наследия, 1998. Вып. 6. С. 29–95.

21. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982.

22. Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана. Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1994.

23. Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2003.

24. Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как объект исследования // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: информ. сб. М.: Ин-т Наследия, 2002. Вып. 10. С. 103–115.

25. Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «Природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сб. науч. тр. М.: Рос. научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия, 1994. С. 40–46.

26. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М.: Наука, 1981.

27. Лазарев А. Г. Архитектура и градостроительство Юга России: учеб. пособие. Ростов н/Д: Терра, 2003.

28. Лунин Б. В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1951. Кн. 2.

29. Мамонова О. П. Социально-культурные особенности малых исторических городов Центрального экономического района России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2003.

30. Материалы Пятой Всероссийской научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия»: сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Веденин. М.: Ин-т Наследия, 2001.

31. Никитин В. А. Принцип города: организационное представление [Электронный ресурс] // Методология в России. URL: <http://circle.ru/personalia/nikitin/pg.html> (дат обращения 21.03.14).
32. Новичихин А. М. Раскопки Горгиипии: история поисков и открытий // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 284–293.
33. Петрова И. А. Кибасова Г. П., Назарова А. А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия [Электронный ресурс] // Грани познания. 2010 № 4 (9). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf (дат обращения 21.03.14).
34. Регионоведение: учеб. пособие / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
35. Ромадина Т. И. Проблема типологии развития городов в странах Западной Европы высокого средневековья в отечественной историографии второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.
36. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М.: Ин-т Наследия, 1998.
37. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
38. Фейблман Дж. Типы культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Т. 1: Интерпретации культуры.
39. Фролов Б. Е. К истории реставрации оборонительных сооружений Екатеринодарской крепости // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1997. Вып. 3. С. 161–166.

Historic Towns of the South of Russia in the Context of Cultural Tourism: Typological Characteristics

NAUMENKO Vladimir E., Cand. Sci. (National History), Prof., Head,
Department of Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: naumenko@rambler.ru
TROFIMENKO Alexander A., Senior Lecturer,
Department of Humanities and Social and Economic Disciplines,
Training and Research Center of Air Force, Air Force Academy, Krasnodar, Russia
E-mail: vunc-vvs-kvvaul@mil.ru

The paper attempts to examine typological characteristics of major historical cities in the South of Russia. This is important from the point of view of development of cultural tourism and the construction of new tourist routes.

Key words: *historic settlement, city, South Russia, typology of historical cities.*

